

Хапов Константин Германовичадъюнкт Краснодарского университета
МВД России
dom-hors@mail.ru**ВЫЯВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПНОГО УМЫСЛА
ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕ-
СТВА В ОТНОШЕНИИ
ЖИЛОГО ФОНДА****Аннотация:***Рассматривается особенность субъективной стороны мошенничества в отношении жилого фонда как одной из форм хищения.***Ключевые слова:***мошенничество, преступный умысел, жилой фонд.***Hapov Konstantin Germanovich**Associate Krasnodar University
Russian Interior Ministry
dom-hors@mail.ru**DETECTION
AND CHARACTERIZATION
CRIMINAL INTENT AT FULFILLMENT
OF FRAUD AGAINST
HOUSING****Summary:***The features of the subjective side of fraud against the housing as a form of theft.***Keywords:***fraud, criminal intent, housing.*

В характеристике субъективной стороны мошенничества следует иметь в виду, что виновный осознает общественную опасность противоправного изъятия чужого имущества, предвидит неизбежность причинения в результате этого реального материального ущерба собственнику и желает наступления этих последствий. Умыслом мошенника охватывается тот факт, что он действует с использованием обмана или злоупотребления доверием. Обязательными признаками субъективной стороны являются мотив и цель, выраженные в корыстных характеристиках. Виновный сознает, что незаконно и безвозмездно изымает и (или) обращает в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, предвидит причинение собственнику или иному владельцу имущественного ущерба и желает его причинения. В содержание умысла при мошенничестве входит также сознание лицом соответствующих квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 159 УК РФ. Умысел виновного направлен на преступное завладение имуществом (в данном случае жилым помещением – квартирой, либо денежными средствами, получаемых путем обмана в результате неправомερных сделок с жилыми помещениями) с целью обращения его в свою пользу. Причем элементом волевого момента прямого умысла, то есть желания совершить данное общественно опасное деяние, является цель виновного обратить чужое имущество в свою пользу или пользу других лиц. Эта цель представляет собой цель хищения, которая охватывается понятием корыстной цели, поскольку первая предполагает стремление мошенника обогатиться путем обращения в свою пользу или пользу других лиц только имущества, а вторая – не только имущества, но и других неимущественных благ [1, с. 38].

Данное положение (возможность совершения мошенничества только с прямым умыслом) позволяет установить направленность на совершение хищения в том или ином размере. Кроме того, оно является предпосылкой для квалификации приготовительных действий хищения, а также покушения на его совершение и совершение хищения в соучастии, поскольку указанные признаки свойственны именно прямому умыслу при совершении общественно опасного деяния. В частности, установление направленности умысла на хищение чужого имущества в том или ином размере необходимо потому, что в зависимости от размера похищенного имущества деяние может квалифицироваться не как преступление, а как административное правонарушение. Кроме того, размер похищенного является одним из критериев определения исторической, художественно или культурной ценности предметов или документов, ответственность за хищение которых предусмотрена ст. 164 УК РФ. Основанием для таких выводов является законодательное положение о том, что приготовление к преступлению и покушение на преступление (ст. 30 УК РФ), а также совершение преступления в соучастии (ст. 32 УК РФ) возможны только как умышленные действия, направленные на совершение конкретного преступления. Это в полной мере касается хищений чужого имущества, в том числе хищения, совершенного путем мошенничества. При этом для соответствующей квалификации содеянного необходимо, чтобы обстоятельствами, объективно выражающими возможность приготовления к хищению, покушения на него, соучастия в нем, сопутствовал умысел на совершение именно хищения чужого имущества [2, с. 8].

В этом отношении характерен пример из судебной практики, который заключается в следующем (Архив прокуратуры г. Краснодара Краснодарского края за 2007 г.). М., имея умысел на хищение чужих денежных средств путем обмана и злоупотребления доверием, под ложным, надуманным предлогом оказания помощи в приобретении в интересах членов кооператива жилья и иных объектов современной социальной инфраструктуры на первичном и вторичном рынке, предложила своей дочери, а также своей знакомой Г. и ее сыну А. создать жилищный кооператив «Лотос». При этом она, заведомо зная, что обязательства по удовлетворению потребностей членов кооператива в приобретении недвижимости или иного имущества невыполнимы, так как кооператив будет действовать по принципу «финансовой пирамиды». Убедив указанных лиц в искренности своих намерений об оказании помощи в приобретении жилья членам кооператива, в 2003 г. решением общего собрания учредителей был создан жилищный кооператив «Лотос».

Осуществляя задуманное с целью хищения денежных средств, принадлежащих членам кооператива, М. предложила учредителям назначить ее председателем данного кооператива. Так, М., являясь председателем жилищного кооператива «Лотос», используя свое служебное положение, 14 октября 2004 г. в неустановленное время, находясь в офисе кооператива, имея умысел на хищение денежных средств путем обмана из корыстных побуждений, не имея намерения об исполнении условий договора, заключенного с членом ЖК «Лотос» Х., а в последующем введя в заблуждение последнего об истинных намерениях приобрести жилье, получила от нее для покупки однокомнатной квартиры на расчетный счет, принадлежащий кооперативу «Лотос», денежные средства в размере первоначального вступительного взноса в сумме 30772 рубля, первоначального паевого взноса в сумме 326183 рубля и в размере членских и паевых взносов в сумме 194655 рублей, а всего на общую сумму 551610 рублей, в последующем данные денежные средства похитила из кассы ЖК «Лотос», распорядившись ими по своему усмотрению. Она же, М., продолжая свой преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, используя свое служебное положение, 14 января 2004 г. в неустановленное время, находясь в офисе кооператива, действуя путем обмана из корыстных побуждений, заключила договор с членом ЖК «Лотос» Б., и далее введя в заблуждение последнего об истинных намерениях приобрести жилье, получила от нее для покупки квартиры на расчетный счет, принадлежащий кооперативу «Лотос», денежные средства в размере первоначального членского взноса в сумме 28580 рублей, паевых и членских ежемесячных и вступительного взносов в сумме 137112 рублей, а всего на общую сумму 165692 рублей, в последующем данные денежные средства похитила из кассы ЖК «Лотос», распорядившись ими по своему усмотрению.

И таких эпизодов было еще несколько. Здесь налицо прямой умысел. При этом нужно заметить, что такой умысле содержит в себе корыстную цель. Корыстная цель является критерием для отграничения хищения чужого имущества от других преступлений, например, от злоупотребления полномочиями, уничтожения или повреждения имущества, самоуправства, хулиганства и других общественно опасных деяний, объективная сторона которых предполагает следствием таких деяний переход имущества от законного владельца в пользу виновного или других лиц, однако в которых одновременно отсутствует корыстная цель. В уголовно-правовой литературе встречается мнение о том, что «понятие корыстной цели при мошенничестве шире, чем при любой другой форме хищения чужого имущества, поскольку представляет собой стремление виновного незаконно обогатиться посредством не только обращения в свою пользу или пользу третьих лиц чужого имущества, но и приобретения права на имущество» [1, с. 72]. С этим следует согласиться при одной оговорке, которая заключается в том, что сила корыстного мотива по указанной причине присуща не только мошенничеству, но и вымогательству – диспозицией соответствующего состава преступлений (ч. 1 ст. 163 УК РФ). Что касается всех других форм хищения чужого имущества, а именно кражи (ст. 158 УК РФ), присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ), грабежа (ст. 161 УК РФ), разбоя (ст. 162 УК РФ), то действительно диспозициями составов соответствующих общественно опасных деяний предусмотрено только хищение чужого имущества, а противоправное приобретение права на имущество не предусмотрено, и таким образом степень корысти в них меньше, чем при совершении мошенничества, равно как и вымогательства [3, с. 121].

Важно заметить, что для мошенничества доминирующим являются именно мотивы корыстного характера. В то же время содержание таких мотивов, степень их глубины, осознанности и стойкости могут быть самыми различными. В связи с этим В.А. Владимиров отмечает, что «чем более ценным и значительным по стоимости имуществом стремится завладеть виновный, тем более выпукло выступает корыстный мотив, и, напротив, при стремлении похитить малоценные предметы, чтобы удовлетворить случайную прихоть, корысть может отступать на задний план» [4, с. 130]. Однако с таким подходом не согласен указанный выше А.В. Бондарь, с

которым мы солидарны, поскольку корыстные мотивы так или иначе присутствуют практически во всех случаях мошенничества. И судебная практика, и теория уголовного права справедливо исходят из того, что отсутствие корыстного мотива как ведущего, определяющего волевой акт и содержание умысла меняет социальную сущность содеянного и исключает квалификацию преступления как хищения чужого имущества [5, с. 3]. В отличие от мотива преступления цель в большей мере характеризует преступный результат, которого стремится достичь виновный, совершая то или иное общественно опасное деяние.

В завершении отметим, что содержание прямого умысла в этом отношении при мошенничестве совпадает с характером практически всех разновидностей хищений. Однако здесь есть и существенный специфический момент. Особенностью субъективной стороны мошенничества как одной из форм хищения является то, что виновный стремится ввести потерпевшего в заблуждение путем обмана или злоупотребления доверием и добиться того, что потерпевший в конечном итоге сам, по своей воле передает мошеннику имущество или право на имущество, полагая, что все происходит законно (как, например, члены кооператива «Лотос» отдавали сами деньги согласно заключенным договорам, не подозревая, что их обманывают); именно на этом и строятся все его преступные расчеты по завладению имуществом.

Ссылки:

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 2001.
2. Гаухман Л.Д., Серова М.В. Ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества. М., 1990.
3. Бондарь А.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности (уголовно-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Сыктывкар, 2003.
4. Владимиров В.А. Квалификация преступлений против личной собственности. М., 1986.
5. См., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1981. № 11.

References (transliterated):

1. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti. M., 2001.
2. Gaukhman L.D., Serova M.V. Otvetstvennost' za melkoe khishchenie gosudarstvennogo ili obshchestvennogo imushchestva. M., 1990.
3. Bondar' A.V. Moshennichestvo kak vid prestupnogo posyagatel'stva protiv sobstvennosti i osobennosti ego proyavleniya v sfere bankovskoy deyatel'nosti (ugolovno-pravovoy aspekt). Dis. ... kand. yurid. nauk. Syktyvkar, 2003.
4. Vladimirov V.A. Kvalifikatsiya prestupleniy protiv lichnoy sobstvennosti. M., 1986.
5. Sm., naprimer: Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. 1981. № 11.